

Отзыв
официального оппонента, доктора исторических наук Е. В. Переваловой
на диссертацию Юлии Александровны Сенюриной
«Текстиль как археологический источник
(по материалам позднесредневековых памятников севера Западной Сибири)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.3. — археология (исторические науки)

Диссертационное сочинение Юлии Александровны Сенюриной посвящено малоизученной теме — текстилю как археологическому источнику. Актуальность исследования состоит, прежде всего, в необходимости расширения базы данных, представляющих текстильные материалы и технологии средневековых археологических памятников, в «систематизации результатов структурного и материаловедческого анализов», что позволяет обратиться к изучению текстильной культуры населения северных районов Западной Сибири в целом.

Текстиль довольно редкая археологическая находка, но благодаря многолетним мерзлотным породам северных территорий Западной Сибири, органические вещества сохраняются и археологические памятники дают не единичный, а довольно представительный массовый и/или серийный материал. В этом случае информационный потенциал археологического текстиля возрастает, позволяя не только атрибутировать и выявить особенности текстильного продукта, но и говорить о значительно более масштабных процессах — технологиях изготовления и их трансформациях, текстильных традициях туземного и пришлого («русского») населения, торгово-обменных контактах и путях движения импортных товаров и т.д. Исследования западносибирского археологического текстиля не многочисленны, к обобщающим научным изысканиям можно отнести работы Т. Н. Глушковой (2002 и др.). Вместе с тем накопленный благодаря интенсивным археологическим раскопкам в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах за последние три десятилетия материал требует обработки, анализа и публикации. Важность появления таких исследований связана также с малым числом специалистов, работающих с археологическими тканями, и отсутствием специализированных центров, занимающихся изучением и реставрацией археологического текстиля.

Базовыми для диссертационного исследования Юлии Александровны Сенюриной послужили материалы трех археологических памятников — Усть-Войкарского городища (середина XV — середина XVIII вв.), Березовского городища (XVII–XIX вв.) и могильника Горноправдинсктй (середина XVIII — вторая половина XIX в.). Общая выборка образцов текстиля из трех памятников репрезентативна — 1163 фрагмента (ткани, фрагменты одежды, вязанные и плетенные изделия). Поскольку хронология памятников охватывает

позднее средневековье и новое время, исследование лежит в тематическом поле не только археологии, но и этнографии, и истории Сибири. В соответствии с целью исследования — установление степени развития и специфики текстильной культуры населения севера Западной Сибири XV–XIX веков — для решения задач автор активно привлекает археологические и палеозологические, этнографические и исторические источники (полевые отчеты, таможенные книги сибирских городов конца XVII в., публикации).

В диссертационной работе использован широкий спектр специальных (инструментальных) методов и методик: визуальный, структурный, материаловедческий, рентгенофлуоресцентный анализы, что в значительной мере обуславливает характер и практическую направленность исследования. В аналитическом кластере использованы методы систематизации, моделирования, историко-сравнительный анализ («поиск аналогий»). Вместе с тем в диссертации отсутствует такая обязательная позиция как выбор *методологии*. Поскольку профиль работы «исторические дисциплины» ограничиться при определении (в данном случае выборе) методологии одним предложением («Основой работы является принцип историзма и проведение археологических и исторических параллелей, осуществляемых по технологическим признакам рассматриваемого текстиля». С. 12), на наш взгляд, недостаточно. Именно подбор методологических концептов и походов задает главные ориентиры, очерчивает стратегию исследования и позволяет четче обозначить его место в кругу рассматриваемой темы/проблемы.

Практический характер диссертационного исследования Ю. А. Сенюриной определяет его новизну — анализ и систематизация коллекций археологических тканей трех позднесредневековых памятников севера Западной Сибири, включая атрибутирование и переатрибутирование, характеристику технологических процессов, связанных с производством текстильных изделий, и выявление особенностей текстильных технологий в сравнении с материалами сопредельных территорий.

Проблематика, обозначенная автором при определении объектно-предметной сферы, круга задач, методов исследования и основных положений, выносимых на защиту, определяют структуру работы. Диссертационное сочинение состоит из основной части (Том 1) и иллюстративно-табличного приложения (Том 2). Основная часть диссертации включает введение, четыре главы, заключение, список источников и литературы.

В соответствии выбранными базовыми памятниками в диссертационном сочинении выделено три лабораторно-аналитических главы и одна сравнительно-аналитическая. Представление памятников и его материалов в трех первых главах строится по одной схеме: история изучения археологического памятника, характеристика текстильной коллекции и источниковедческий анализ археологических тканей. В заключении для каждого из

памятников автором предложена схема-квалификация археологического текстиля по технологическим признакам.

В главе 1 «Ткани из археологического памятника “Усть-Войкарское городище” (середина XV — середина XVIII вв.)» анализируется текстильная коллекция из раскопок шестнадцати жилых построек хорошо известного по историческим и этнографическим источникам Войкарского городка. Данные лабораторных, в том числе и лабораторных полевых, исследований дали неплохие материалы по ассортименту (фрагменты тканей и текстильных изделий, войлок, веревки, нити) и даже цветовой палитре тканей, позволили провести классификацию текстиля по целому ряду признаков (сырье, структура (переплетение), толщина нитей и плотность ткани, наличие технологических ошибок).

Очерченные в главе выводы, в частности, о преобладании грубых шерстяных (со средними и толстыми нитями основы и утка) и суконных текстилей, что, бесспорно, связано с климатическими условиями субарктических регионов, а также о вероятной редкости и высокой ценности текстиля растительного происхождения и тонких шерстяных тканей, в целом не вызывают возражений. В тоже время ряд предложенных автором аргументаций, например, по технологиям обработки, изготовления и использованию текстиля вызывают, в том числе иные размышления. Например, обоснование отсутствия у местного населения обработки краев изделий: необработанный край и подгиб с открытым краем может быть объясним не только «экономией ткани» (С. 32), но и традицией, связанной с пошивом изделий из шкур (олень, собака, пушной зверь), где край оставался не обработанным (при соединении деталей использовался шов «через край», а для обработки краев изделия — опушка). Даже при пошиве изделий из ткани угорское население в основном использовало шов «вперед иголку» и «через край». Прекрасным примером является описанный в работе платок с обработкой края изделия швом «через край» и дополненный по периметру длинными самодельными кистями из нитей — типичный для обских угров вариант женского головного убора. Поэтому текстильные изделия с двойным подгибом с закрытым краем вполне, как это определено автором, могут быть отнесены к импорту. Перешивание одежды и ношение ее до полного износа, это тоже традиция серевоугорского и самодийского населения, в том числе и по отношению к одежде из меха и шкур.

В главе 2 «Ткани из археологического памятника “Березовское городище” (XVII–XIX вв.)» представлена текстильная коллекция, собранная с трех десятков разновременных построек разного назначения на территории кремля и посада русского города Березова. В ассортименте фрагменты тканей и текстильных изделий, веревки и нити из сырья растительного и животного происхождения (сукно, шелк, войлок), а также образцы, сочетающие те и другие нити. Детальную информацию об ассортименте и количестве завозимых тканей и текстильных изделий («амбургское» и «лятчина» гамбургского и

польского производства, сукно сыромяжное домашнего производства, разные холст, «рубашки ветоши», «шолк»), а также об их путях движения через «Тюмень», «Тобольск» и «Кыртаскую заставу» и поставщиках текстильного товара дает таможенная книга г. Березова 1687/88 гг. Это позволило автору провести сравнения археологического и исторического источников и даже сделать некоторые расчеты.

Ю. А. Сенюрина обращает внимание на существенное преобладание в археологическом материале текстильных образцов из сырья животного происхождения (98 %), образцы из растительного сырья и шелковые ткани составляют всего 0,9 и 1,2 % (С. 62, 78, 79). Эти показатели явно не стыкуются с данными таможенной книги г. Березова, где отмечается поступление значительного количества шелка (11 %), а также тканей (особенно если учитывать в метраже) и изделий (особенно если рассматривать «рубашки ветоши» как изделия из разреженной суровой хлопчатобумажной ткани, а не «рвань» / «старье») из растительного сырья (41 %) (С. 79). Возможно, незначительное число находок тканей и изделий из сырья растительного происхождения на изучаемых археологических памятниках можно объяснить их большей подверженностью к разложению в данных условиях (хотя только ли?!). Косвенно факт распространения тканей из растительного сырья подтверждается разнообразием обнаруженных на них инструментов, орудий и приспособлений для прядения, ткачества и пошива одежды (швейные иглы, наперстки, *трепало*, веретено, пяслице, орнаментированная прялка-игрушка, *механизм ткацкого станка*, коклюшки). В этой связи вопрос о составе археологических текстильных коллекций требует, по крайней мере, дополнительного внимания и обоснования.

В главе 3 «Ткани из археологического памятника “Могильника Горноправдинский” (середина XVII — вторая половина XIX вв.)» анализируется текстильная коллекция из раскопок более пятидесяти погребений русского старожильческого населения Нижнего Прииртышья. По ассортименту текстилей и текстильных изделий горноправдинская коллекция еще более разнообразна: фрагменты платков, покрывал, головных уборов и обувной обшивки, суконные штаны и пальто, вышивка серебряной нитью, шнурки, тесьма, завязки, нити, вязанные носки. Изученные образцы тканей позволили автору говорить опять же о преобладании в культуре старожильческого населения шерстяных тканей над тканями растительного происхождения. Относительно неплохая сохранность текстиля дали возможность выявить технологии обработки сырья, возможные красители (марена, кермес, индиго и др.) и способы окрашивания тканей.

В качестве замечания отмечу, что говорить о повседневном костюме в погребальных практиках русского населения не совсем корректно (С. 81, 109). Возможно, именно специфика погребального комплекса одежды, а не более поздний хронологический срез, дал более разнообразный и богатый ассортимент изделий и тканей, в том числе дорогих

(шелковые платки/шали, головные уборы с вышивкой серебряной нитью и т.д.). Отмечу, что представленные в главе материалы дают неплохие основания для последующих реконструкций. По находкам фрагментов украшений, орнаментированной одежды и их размещению погребение 12 (раскопки Зайцевой 2008 г.) можно отнести к остяцкому (для данной территории и хронологического периода захоронение крещенных остяков на русском кладбище вполне вероятно). Вышивка серебряной нитью по бересте может быть фрагментом головного убора, каркас которого выполнен из бересты и обтянут тканью (возможно, растительного происхождения, поскольку ткань не сохранилась).

Глава 4 «Характеристика текстильной культуры населения севера Западной Сибири конца XVII — XIX веков» — квинтэссенция работы, сопоставление результатов анализа текстильных коллекций трех позднесредневековых памятников с аналогичными ранее исследованными памятниками, представление общей картины «текстильной культуры» населения севера Западной Сибири XV–XIX веков.

Археологический материал свидетельствует о бытовании на трех изучаемых памятниках текстиля местного, русского (российского) и иностранного (голландского, польского, китайского) производств. Выборка взятых для исследования образцов археологического текстиля показательна: 1163 фрагмента, из них 1117 образцов из сырья животного происхождения и 10 полушерстяных, 19 образцов из сырья растительного происхождения, 17 образцов шелка. Что опять же заставляет задуматься о серьезной диспропорции в числе образцов текстиля из сырья животного и растительного происхождений из археологических памятников и по данным таможенных книг.

С общими выводами 4-й главы трудно не согласиться: (1) шерстяные и шелковые ткани были импортным товаром, поставляемым как для туземцев, так и для жителей русских городов, поскольку отсутствовала сырьевая база; (2) особой популярностью пользовалось сукно гамбургского и польского производств, а также сыромяжное сукно домашнего производства; (3) текстиль из Европы и «с Руси» был недешёвым и не всегда качественным (о чем свидетельствуют технологические ошибки); (4) местные «русские» текстильные традиции сводились к обработке шерстяного сырья (овца, собака, завозные изделия из шерсти) для получения нитей, к вязанию одной иглой до XIX в. или спицами с XIX в., кустарному изготовлению и окрашиванию полушерстяных тканей, пошиву одежды из привозных тканей.

Материалы трех разных по типу, этническому составу и датировке памятников (североостяцкого городка Нижнего Приобья середины XV — середины XVIII вв., центра русской колонизации Северо-Западной Сибири XVII–XIX вв. и православного кладбища северной части Нижнего Приртышья середины XVII — второй половины XIX вв.) с явной непропорциональностью в выборках (соответственно 366, 766 и 67 образцов), как

совершенно справедливо отмечает автор, требуют корректного сопоставления. Как показало сравнение с данными аналогичных позднесредневековых памятников (Мангазея, Старотуруханское городище, Надымский городок, Ендырские и Усть-Балыкский могильники), проанализированные в диссертации материалы прекрасно «вписываются в контекст культурно-исторических связей» и в общую картину «текстильной культуры» севера Западной Сибири XV–XIX вв.

Сопоставление археологических материалов и данных таможенных книг сибирских городов позволили автору определить возможные торговые пути XV—XIX вв., по которым могли ввозиться ткани и текстильные изделия. Для поставок в Усть-Войкарский городок актуальными были «печорские» (зырянске) пути через Камень (добавлю, что, вероятно, все три — «собский», «ляпинско-сосвинский» и собственно «войкарский»), в Березово — «ляпинско-сосвинский» и «верхотурский» через Тобольск, в поселения Нижнего Прииртышья — «верхотурский» через Тюмень и Тобольск. Вместе с тем решение многих вопросов остается открытым (сырьевые источники, устойчивость текстильного импорта, смена поставщиков и путей движения импорта и т.д.), поэтому работа с таким информативным источником как археологический текстиль безусловно перспективна.

Довольно слабым в сравнении с главами выглядит заключение диссертации. Значительная часть текста — это постановка вопросов, повторная характеристика источников, памятников и текстильных материалов, а не озвучивание обобщающих результатов сравнительного анализа или создание общей панорамы текстильной культуры севера Западной Сибири. (В автореферате заключение выглядит более содержательным).

Среди недочетов диссертационного сочинения Юлии Александровны Сенюриной можно отметить:

- (1) Как указывалось выше, в работе четко прописаны методы исследования и прикладные методики, но не обозначен круг опорных теоретических и методологических концептов и подходов.
- (2) Встречаются неточности в использовании отдельных понятий и терминов: работа датируется XV–XIX вв., поэтому к использованию в тексте терминов «Российская империя», «российское производство» следует относиться более аккуратно (С. 137); неверно утверждение, что «основным материалом для пошива одежды у коренного и русского населения» с XV по XVIII вв. были «шерстяные ткани» (Л. 115), т.к. для северных остяков и самоедов основным материалом для изготовления одежд и обуви в этот период служили шкуры домашних животных (оленя, собаки) и пушных зверей, а также кожи рыб и птиц; по отношению к количеству образцов следует использовать понятия «число» и

«количество», а не «численность» (С. 139); не понятно словосочетание «оленьи кисы» (возможно, олений камус?).

- (3) Таможенные книги XVII в. дали хороший материал для картографирования путей движения текстиля на север Западной Сибири (Т. 2. С. 223, рис. 1), однако было бы небесполезным добавить к ним собственные материалы по возможным направлениям движения текстиля в Сибирь из заключительной главы.

Перечисленные замечания не носят концептуального характера, не коим образом не снижают значимости полученных результатов и не влияют на общую положительную оценку диссертационной работы.

В целом диссертация Ю. А. Сенюриной представляет собой оригинальное научное исследование, отличающееся актуальностью и новизной (изыскания подобного практического направления требуют многомерной и кропотливой работы). Автор владеет общими и локальными аспектами проблемы. По характеру источниковой базы, проблематике и методам исследования представленная работа соответствует специальности 5.6.3. — археология. Название диссертационного сочинения соотносено с содержанием, логика и структура изложения соответствуют сформулированным целям и задачам, концептуальные выводы подкреплены полевым археологическим материалом и лабораторными исследованиями. Выдвинутые и рассмотренные в диссертационном сочинении положения обоснованы.

Исследование имеет научно-теоретическое и практическое значение. В диссертации решена научная проблема, имеющая важное значение для понимания культурных контактов и исторических процессов. Материалы и выводы могут быть востребованы при разработке реконструкций и музеефикации археологических памятников, при создании археологических и этнографических экспозиций Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, а также в образовательной сфере и проектах мастеров народных промыслов и ремесел, региональном брендинге и сувениризации.

Автореферат дает полное представление о структуре и содержании диссертации. Работа прошла необходимую апробацию. Диссертация обеспечена требуемым объемом и статусом публикаций — 3 статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК, и одна коллективная монография. Основные положения представлены в докладах на российских и международных научных форумах.

Диссертационное сочинение Юлии Александровны Сенюриной «Текстиль как археологический источник (по материалам позднесредневековых памятников севера Западной Сибири)» отвечает квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и соответствует пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации

от 24 февраля 1013 года № 842 (в редакции от 1 октября 2018 г.), т.к. содержит решение конкретной научной задачи, имеющей значение для развития сибирской археологии и этнографии, новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, рекомендации по использованию научных выводов; работа написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, свидетельствует о научном вкладе в науку.

Юлия Александровна Сенюрина заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. — археология (исторические науки).

20 октября 2024 г.

Главный научный сотрудник
Центра арктических исследований
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
«Музей антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук» (г. Санкт-Петербург),
доктор исторических наук
(специальность 07.00.07 —
этнография, этнология, антропология)

Елена Валерьевна Перевалова

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 3.
Тел. +7 (812) 328-41-61
Тел. моб. +7 (922) 204 3727
E-mail: elena_perevalova@mail.ru

